

Мои замѣтки и воспоминанія.

(Автобіографическія записки Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго).

(Окончаніе) ¹⁾.

Назначеніе мое въ Варшаву; путешествіе и подготовительная работа въ С.-Петербургѣ по дѣламъ воссоединенія.

Въ началѣ Ноября 1875 г. изъ Ливадіи пріѣхаль въ Одесу оберъ-прокуроръ Св. Синода графъ Д. А. Толстой, и при первомъ же свиданіи со мною, сказалъ: „А мы имѣемъ на васъ виды“.—„Какіе же, графъ“, спрашиваю я. „Хотимъ назначить васъ въ Варшаву; объ этомъ Государь уже приказалъ прислать Ему докладъ въ Ливадію, и я какъ пріѣду въ Петербургъ, тотчасъ сдѣлаемъ экстренное засѣданіе Св. Синода, и составимъ докладъ“. Какъ громомъ ошеломило меня это извѣстіе; я просто испугался, и выразилъ желаніе, чтобы миновала меня эта чаша. „И думать объ этомъ нечего; отказываться нельзя“. При дальнѣйшемъ разговорѣ оказалось, что Государь недоволенъ преосвященнымъ Іоанніемъ Варшавскимъ за его нерѣшительность и слабость въ управленіи, якобы. Поводомъ къ такому заключенію послужило письмо Крыжановскаго, директора 1-й Варшавской Гимназіи къ одному изъ священниковъ Сѣдлецкой губерніи, въ которомъ между прочимъ говорить, что по его вліянію и убѣжденію преосвященнымъ Іоанніемъ сдѣланы такія-то и такія распоряженія. Письмо это какими-то судьбами попало въ Ливадію къ шефу жандармовъ и доложено Государю. Очевидно оно перехвачено, и какъ я послѣ въ Варшавѣ узналъ это была продѣлка Галичанъ. Государь, и

¹⁾ См. „Б. В.“ 1914 г., февраль.

прежде не долюбивалъ Іоаннікія, разгнѣвался, и сказалъ Толстому: найди ты мнѣ архіерея, который самостоятельно управлялъ бы Епархією. Толстой указалъ на меня,—и Государь, знавшій меня лично, одобрилъ указанное. Говорю это на основаніи словъ гр. Толстого. Какъ бы-то ни было, только очень спѣшили новымъ назначеніемъ. Оберъ-Прокуроръ выѣхалъ изъ Одессы 8-го Ноября, 11-го прибылъ въ Петербургъ,—и вечеромъ же въ покояхъ митрополита Исидора Св. Синодомъ положено меня перемѣстить въ Варшаву, и преосвященнаго Іоаннікія въ Одессу. 16-го Ноября 1875 г. состоялось Высочайшее утвержденіе въ Ливадіи. Можно представить состояніе моего духа въ это время, и потомъ по полученіи указа изъ Св. Синода. Я крайне скорбѣлъ объ Одессѣ, гдѣ и матеріальное положеніе весьма хорошо для архіерея, въ вѣдѣніи котораго находится монастырь Бизюковскій, и обстановка прекрасная, и общество русское и греческое—полюбившее меня. Въ буквальномъ смыслѣ я не разъ плакалъ, представляя трудность новаго назначенія въ Польскій край, при особыхъ обстоятельствахъ воссоединенія униатовъ. Я имѣлъ уже нѣкоторое понятіе о трудностяхъ и неурядицахъ еще прежде нѣсколько изъ писемъ архіепископа Іоаннікія ко мнѣ, когда ни онъ, ни я никакъ не воображали, что мы смѣнимъ другъ друга. Это еще болѣе меня смущало. Я зналъ, что высокопреосвященный Іоаннікій былъ жертвою интриги, хитро поведенной его недоброжелателями, и мнѣ жаль было старца, съ которымъ мы издавна жили дружно, и вели переписку.

По полученіи указа я не медлилъ выѣздомъ изъ Одессы, послѣ обычныхъ прощаній, тѣмъ болѣе, что меня торопили вызовомъ по телеграммѣ предварительно въ Петербургъ. 12-го Декабря выѣхалъ я изъ Одессы въ Кіевъ; въ Кіевѣ получилъ письмо отъ досточтимаго архіепископа Димитрія, которымъ онъ просилъ меня заѣхать въ Ростовъ, чтобы повидаться. Къ сожалѣнію поспѣшность требуемая лишила меня удовольствія исполнить желаніе архіепископа Димитрія и мое. До Тулы я ѣхалъ благополучно; а отъ Тулы до Москвы 40° градусные морозы задержали поѣздъ. Въ Москвѣ я долженъ былъ изъ-за холода прожить сутки, и отвѣчать на телеграмму изъ Петербурга о скорѣйшемъ прибытіи не-возможностію ѣхать за холодомъ. Наконецъ я въ Петербургъ.

Являюсь прежде всего къ митрополиту Исидору; онъ выходитъ и говоритъ: „Ну мы здѣсь ждемъ васъ,—какъ Петра Великаго“. Я объяснилъ причину замедленія подробно. При свиданіи съ графомъ Толстымъ—рѣшено было по моему желанію—вызвать въ первыхъ числахъ 1876 новаго года и преосвященнаго Маркелла—викарія, епископа Люблинскаго, для совѣщаній и составленія инструкціи, которая хотя была уже написана моимъ предмѣстникомъ и прислана въ Синодъ, но по причинѣ недоразумѣній и возраженій со стороны Маркелла—требовала нѣкоторыхъ измѣненій. До прибытія епископа Маркелла я успѣлъ ознакомиться съ ходомъ по дѣлатскимъ еще такъ свѣжимъ дѣламъ, перечиталъ все нужное по доставленнымъ мнѣ матеріаламъ изъ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурора Св. Синода, равно и нѣкоторыхъ донесеній архіепископа Іоаннікія непосредственно Синоду,—и такимъ образомъ подготовился хотя по теоріи къ новому для меня порученію. Грустно было мнѣ читать многое, я видѣлъ порядочную путаницу. Особенно мнѣ непріятно было читать письма Маркелла къ министру внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурору Синода, гдѣ задѣвались честь достопочтеннаго моего предмѣстника, еще жившаго въ Варшавѣ по болѣзненному состоянію.—Святки прошли въ заботахъ, которыя впрочемъ не помѣшали мнѣ отслужить на Рождество Христово, Новый годъ и 5-го Января въ Исакиевскомъ Соборѣ. По пріѣздѣ преосвященнаго Маркелла—мы совмѣстно пересмотрѣли инструкціи викарія и сладились въ ея пунктахъ, съ нѣкоторыми измѣненіями.—Къ сожалѣнію—я, незнакомый вовсе съ краемъ, и хитроумничествомъ своего помощника, въ первый разъ видѣннаго,—опустилъ изъ вниманія нѣчто, потребовавшее послѣ измѣненія. Въ Комитетѣ у графа Толстого, состоявшемъ изъ него самого, меня, Маркелла, директоровъ Пенарекова и Смирнова (нынѣ товарищъ оберъ-прокурора), пересмотрѣно и инструкціи и штаты,—вообще приготавливали все нужное для дѣйствованія въ воссоединенной Епархіи, и представлено Синоду, а затѣмъ и на Высочайшее утвержденіе. Покончивъ дѣла въ Петербургѣ мы выѣхали въ Варшаву. Въ Вильнѣ я остановился на время, а преосвященный Маркеллъ, по моему совѣту, отправился прямо въ Варшаву для встрѣчи меня въ кафедральномъ Соборѣ. Въ Лангахъ (станція желѣз-

ной дороги) встрѣтили меня депутація изъ кафедральнаго протоіерея, ктитора, секретаря изъ Консистоіи и пр. 15-го Генваря въ 8-мъ часу вечера 1876 г. я прибылъ на паству новую, и прямо въ Соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ множествомъ народа—во главѣ съ духовенствомъ, а предварительно на барьерѣ желѣзной дороги высшими чинами военными и гражданскими, сопровождавшими меня и въ Соборъ.—

Свиданіе съ преосв. Іоанникиемъ. Бесѣды съ нимъ. Первые шаги моего управленія.

Съ Архіепископомъ Іоанникиемъ я находился въ перепискѣ со времени разлуки съ нимъ въ Петербургѣ съ 1851 г. до самаго пріѣзда въ Варшаву. Но лично мы не видѣлись 25 лѣтъ. Я оставилъ Іоанникія молодымъ, въ цвѣтѣ здоровья и силъ, а встрѣтилъ его въ Варшавѣ хилымъ, болѣзненнымъ старцемъ. Тяжело мнѣ было найти его удрученнымъ и по тѣлу и по духу. Онъ не ожидалъ перемѣщенія, и жаловался на свою участь. Пришлось утѣшать болѣзненнаго старика, хотя ему было всего 65 лѣтъ. Я описывалъ ему Одессу съ лучшей стороны во всѣхъ отношеніяхъ, и свою скорбь о ней; рассказалъ, какъ состоялось мое назначеніе въ Варшаву неожиданно для меня; но мало онъ утѣшался; самолюбіе его уязвлено было сильно. Я съ нѣкоторымъ упрекомъ выставялъ ему нерѣшительность и мнительность, по которой онъ потерялъ время для выясненія униатскаго дѣла. Онъ оправдывался тѣмъ, что все дѣлалось безъ непосредственнаго его участія предварительнаго; и самое возсоединеніе въ разныхъ мѣстахъ онъ дѣлалъ по приказу и распоряженію гражданской власти. Самъ онъ находилъ преждевременнымъ возсоединеніе, убѣждаясь неподготовленностію народа и духовенства. Но мѣстное правительство сѣбило дѣломъ, торопило и архіепископа. Преосвященный Іоанникій не желалъ протоіерея Маркелла Попеля имѣть у себя викаріемъ епископомъ, и понятіе о немъ имѣлъ самое неважное, считалъ его по нравственности недостойнымъ епископскаго сана,—а Маркелла все-таки сдѣлали епископомъ и при хиротоніи дали орденъ Св. Анны 1-ой степени.—Поѣзжай Іоанникій въ Петербургъ заблаговременно, и выясни суть дѣла кому слѣ-

дуеть,—можетъ быть, оно получило бы другой оборотъ; но робкая нерѣшительность архіепископа удержала его отъ смѣлаго шага,—и онъ заплатился за то недешево. Интриги Галичанъ во главѣ съ Попелемъ взяли верхъ. Впрочемъ, въ концѣконцовъ изъ нашихъ келейныхъ бесѣдъ выходило заключеніе,—что не безъ воли же Божіей случилось все такъ, какъ не предвидѣлось. „Воля Божія“,—заключалъ Іоанникій, и я повторилъ то же. Да и что же было сказать—намъ архіереямъ, когда и каждый христіанинъ долженъ вѣровать, что безъ воли Божіей и власъ главы не спадеть? Мрачный и упавшій духомъ (къ сожалѣнію) Іоанникій предсказывалъ мнѣ всякія непріятности и борьбу, но я видѣлъ это съ перваго же разу, и не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказывать ихъ. Непрѣятная борьба, кончившаяся пораженіемъ Іоанникія,—для меня не была новостію по прежней практикѣ въ Подоліи, и я давно освоился съ нею. Мой предмѣстникъ, привыкшій къ спокойному житію въ продолженіи 14 лѣтъ управленія Варшавскою Епархіею очень мало-численною по количеству церквей до воссоединенія уніатовъ, при своемъ мнительномъ характерѣ, растерялся и не удержался самостоятельности.—И уже выше упоминалъ о поводѣ, послужившемъ послѣднею причиною перемѣщенія моего предмѣстника.—

Проводивши архіепископа Іоанникія на вокзалъ желѣзной дороги, гдѣ собралась вся православная публика для послѣдняго прощанія съ уважаемымъ Архипастыремъ,—я воротился домой въ грустномъ настроеніи. Много думъ роилось въ головѣ моей. Но всѣ сомнѣнія и недоумѣнія мои—кончились рѣшительностію дѣйствовать хотя исподоволь, благоразумно, но и смѣло, твердо. При такой рѣшимости, конечно, неизбѣжно было ожидать борьбы и противодѣйствія; значить, нужно было запастись терпѣніемъ.

Да,—Холмско-Варшавская Епархія дѣйствительно по воссоединеніи уніатовъ представляетъ, и особенно въ первые годы (1875—81) представляла такія трудности, что преодолѣть ихъ не подь силу человѣку 'безъ помощи Божіей. Я очутился, можно сказать, въ осадномъ положеніи. Съ одной стороны, гражданская администрація, захватившая въ свои руки преобладающее вліяніе въ дѣлахъ поуніатскихъ, съ другой сильная партія священниковъ, названныхъ изъ Галиціи съ

епископомъ Маркелломъ во главѣ,—желавшихъ подчинить архіепископа своему вліянію,—требовали отъ меня искусства и смѣлости въ то же время, чтобы сохранить самостоятельность и сразу не стать во враждебное положеніе съ тѣми, съ которыми нужно было имѣть непрерывныя сношенія.

Осмотрѣвшись—я началъ свою работу по своему непосредственному усмотрѣнію, устранивъ отъ себя совѣтниковъ, по вредившихъ репутаціи моего предмѣстника. Сразу я усмотрѣлъ ошибки дѣятелей, во чтобы то ни стало спѣшившихъ отличиться своею энергіею не кстати, разумѣю свѣтскихъ лицъ, искавшихъ только отличій за воссоединеніе. Нужно было исправить ошибки—осторожно, держать правленіе *festina lente*.—И я въ 1878 г., забравши съ собою нужныя справки, отправился въ Петербургъ, и объяснивъ графу Д. А. Толстому суть дѣла, просилъ его доложить Государю о моихъ взглядахъ на дѣло. Прежде всего я настаивалъ, чтобы моего викарія епископа Маркелла взяли изъ Холма, давъ ему какую-либо Епархію. Обѣщали удовлетворить моему желанію,—и оно удовлетворено въ 1879 г. Необходимость перемѣщенія Маркелла вызывалось тѣмъ, что около него сгруппировалась партія Галичанъ, во чтобы то ни стало желавшихъ парализовать вліяніе архіепископа и дѣйствовать по своему произволу. Самъ Маркеллъ, связанный родствомъ и прежними неблаговидными отношеніями,—не могъ, не имѣлъ силы обуздывать своевольныхъ земляковъ, имъ же названныхъ, и старался закрывать предо мною ихъ безобразное поведеніе. Самъ же по себѣ онъ относился ко мнѣ съ вѣжливостію и почтеніемъ, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ; и мы разстались съ нимъ мирно. По удаленіи Маркелла ослабѣла мысль у Галиційскихъ выходцевъ—видѣть его на кафедрѣ архіепископской, но не прекратилась. Сильная партія, имѣвшая въ Петербургѣ и въ Варшавѣ защитниковъ, дѣйствовала противъ меня, не оставивъ мысли—посадить на мое мѣсто Маркелла. Настала борьба междуусобная, можно сказать, между духовенствомъ. Мѣстные, вызванные изъ имперіи и Галиційскіе по происхожденію священники—составили какъ бы враждебные лагеря. Дорого стоила мнѣ эта борьба; но Господь помогъ умирить враждующихъ, хотя и съ великимъ трудомъ. Не стану здѣсь говорить о моихъ мѣрахъ

дѣйствования для упорядоченія Епархіи разнокалиберной. Желаящій можетъ прочесть объ этомъ въ книгѣ о Страшневича о моемъ 25-лѣтн архіерейства. Одно воспоминаніе о вынесенной мною тугѣ сердечной въ борьбѣ съ партією, поддерживаемой и недальновидными русскими,—возбуждаетъ и теперь во мнѣ нервную дрожь. Время и результаты моего образа дѣйствій—оправдали мою политику. Но какъ жаль, что представители нашей гражданской власти въ Петербургѣ такъ ошибаются въ своихъ сужденіяхъ, и поддаются внушеніямъ интригановъ. Пришлось мнѣ разойтись по поводу Галичанъ съ графомъ Толстымъ; пришлось терпѣть недобѣріе и отъ Побѣдоносцева, выносить уколы и отъ варшавскихъ дипломатовъ,—пока все выяснилось временемъ, и пока не увидѣли, что правда на моей сторонѣ. Было время, когда разнузданные Галиційскіе выходцы громко говорили: „Вотъ мы спустили Іоанникія, спустимъ и Леонтія, а Маркелла посадимъ въ Варшавѣ“. Вотъ до чего доходила дерзость проходимцевъ, поощряемыхъ надеждою на поддержку сильныхъ міра! Однакожь время и благоразуміе, позволю сказать, съ моей стороны сдѣлали мало по малу перемѣну и въ поведеніи Галичанъ. Нѣкорыхъ нужно было удалить изъ среды священниковъ служителей Холмской Руси. Но вся вина падала на преосвященнаго Маркелла. Въ его администраторство—названы были въ Холмскую Епархію и Семинарію люди недостойные и по знаніямъ, и по поведенію. Деспотизмъ и пристрастіе—были руководящими началами и въ пріемѣ въ Епархію, и въ пріемѣ въ Семинарію. Самъ Маркеллъ, неимѣвшій никакого авторитета при Епископѣ Куземскомъ, въ бытность еще протоіереемъ, и обвиняемый въ неблаговидныхъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ особамъ женскаго пола, сдѣлавшись епископомъ вмѣсто Куземскаго, по необходимости долженъ былъ поблжать многимъ, то по родству, то по грѣховнымъ связямъ. Это усугубляло трудность для меня дѣйствовать въ управленіи успѣшно. Большею частію, скажу болѣе, почти всегда я узнавалъ о предосудительныхъ поступкахъ возсоединеннаго (изъ Галичанъ) духовенства изъ отношеній ко мнѣ генераль-губернатора и начальника жандармскаго управленія. По назначаемымъ слѣдствіямъ само же духовное правленіе старалось закрывать проступки обвиняемыхъ, и скрывать правду.—Безпо-

рядки продолжались до той поры, пока я расчистилъ почву и установилъ новую организацію веденія дѣлъ, послѣ выбора Маркелла. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.—

Мое рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ относительно воссоединенія—а) благовременно ли оно было.

Отсылая желающихъ знать о внѣшней организаціи воссоединенной Епархіи къ упомянутой прежде книгѣ о Страшкевича, я считаю долгомъ съ своей точки зрѣнія здѣсь коснуться рѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ; которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ воссоединенію уніатовъ Холмской Руси. Вопросъ: благовременно ли было воссоединеніе уніатовъ въ 1875 г.? Нѣкоторые компетентные люди, даже самъ преосвященный Іоанникій и отчасти епископъ Маркеллъ, выражали мнѣніе, что нужно было помедлить воссоединеніемъ, подготовить народъ и духовенство къ такому важному шагу настолько, чтобы они поняли и его сущность и значеніе. Нельзя съ этимъ не согласиться. Но является новый вопросъ, какъ подготовить? Отвѣтъ на это дала администрація духовная—уніатская распоряженіемъ о такъ называемомъ очищеніи обряда, т. е. приближеніемъ и храмового устройства и богослуженія къ восточному уставу, какой существовалъ при началѣ уніи. Очищеніе обряда поддерживалъ и началъ исподоволь еще уніатскій Епископъ Куземскій, говорившій и служившій, равно побуждавшій и другихъ своихъ подчиненныхъ служить на малорусскомъ языкѣ, или точнѣе на Галиційскомъ нарѣчій. Конечно—принятое средство было важно, и могло бы привести исподоволь къ мирному концу, если бы усердіе—ревность не по разуму гражданской власти и содѣйствія уніатской администраціи не проводили своей мысли крутыми мѣрами. Но излишняя ревность—выбрасываніе органовъ, скамеекъ, монстранцій, неподходящихъ иконъ изъ церквей—ожесточили народъ, и привели его къ бунту, очень худо кончившемуся для бунтующихъ. Насиліе пуреаторовъ произвело реакцію весьма плачевную. Правда, это было главнымъ образомъ въ Сѣдлецкой губерніи, и не во всѣхъ приходахъ; но достойно сожалѣнія еще болѣе потому, что сами уніатскіе священники

отъ неразумнаго обращенія съ ними гражданскихъ властей и отъ даваемаго преимущества вызваннымъ изъ Галиціи священникамъ, уже готовымъ принять православіе, пожалуй, и отъ ополченія по жизни—способствовали неурядицъ въ своихъ приходахъ. Очень много ихъ переѣзжало за границу въ Галицію,—и это не могло оставаться безъ дурнаго вліянія на народъ. Думаю, что если лучшихъ изъ мѣстныхъ униатскихъ священниковъ, отказавшихся принять православіе въ слѣдствіе неосторожной чистки обряда, мѣрами кротости и убѣжденія, съ обѣщаніемъ возвысить ихъ благосостояніе,—привлечь къ себѣ лично начальство—не было бы такой печальной реакціи, какая случилась. Думаю, что если бы вмѣсто Маркелла администраторство продолжалъ протоіерей Войцицкій—антогонизма не было бы. Важную роль играли здѣсь страсти. Ненависть мѣстныхъ къ Галичанамъ, захватившимъ права и власть въ ущербъ имъ, не могла произвести мирныхъ результатовъ. Униатскіе священники,—Ваховичъ и Шелепинскій, получившіе образованіе въ Московской Духовной Академіи, безъ сомнѣнія, при умѣнши съ ними обойтись, сослужили бы добрую службу воссоединію. По крайней мѣрѣ Ваховичъ, при личномъ со мною объясненіи, выражался рѣзко объ отношеніяхъ властей къ нему и его сотоварищамъ. Такимъ образомъ, объясняется просто бывшая неурядица въ Подляшьяхъ. Но ошибаются тѣ, которые думаютъ, что она произошла отъ воссоединенія; нѣтъ, причиною ея было очищеніе обряда еще въ униі до воссоединенія съ православіемъ. Выходить, что подготовка была къ нему, но необдуманная, и самонадѣянно рассчитанная на успѣхъ. Чтожъ? Осудить ли неблаговременность воссоединенія, такъ или иначе, состоявшееся формально вскорѣ послѣ очищенія обрядовъ униі? Нѣтъ; если по человѣческой логикѣ оно представляется поспѣшнымъ,—то по судьбамъ Божіимъ оно является благовременнымъ. Не случилось оно въ 1875 году, не было бы его послѣ, по крайней мѣрѣ надолго еще. Извѣстно, что въ 1877 г. началась война, которая очень не благопріятствовала бы воссоединенію, и при явныхъ интригахъ со стороны польскихъ ксендзовъ и австрійскихъ шпионовъ езуитовъ—затормозилось бы дѣло. Скажутъ: развѣ лучше теперь, когда такъ много явилось, и послѣ воссоединенія, упорствующихъ, не ходящихъ въ церкви, вѣнчаю-

щихся незаконно и проч.? Но во первыхъ—ихъ не такъ уже много, какъ нѣкоторые предполагають, во вторыхъ, мало по малу—они постепенно входятъ въ ограду церкви православной, и въ третьихъ—это явленіе обыкновенное въ исторіи. Развѣ послѣ воссоединенія униатовъ въ Кіевской, Подольской и Волынской Епархіяхъ въ 1795 г. всѣ сразу присоединились? Развѣ въ 1839 г. въ Литовской Епархіи сразу всѣ стали православными бывшіе униаты? Время свое сдѣлаетъ; а что вѣками порчено, нельзя же исправить въ десять, двадцать лѣтъ. Притомъ же нельзя требовать, чтобы народъ привыкшій къ извѣстнымъ обрядамъ, вовсе не противорѣчащимъ идеѣ православія и оправдываемымъ исторіей церкви христіанской, сразу оставилъ ихъ. Да и нужды въ томъ нѣтъ для пользы самаго же дѣла. Обрядовая сторона издревле въ христіанскихъ церквахъ имѣла свои особенности. Странно требовать, чтобы въ какомъ-либо поуніатскомъ деревенскомъ храмѣ было все совершенно по московски. Изъ за идеи цуризма нельзя жертвовать сущностію христіанства.—

б) Нуженъ ли и полезенъ ли былъ вызовъ Галичанъ для приходовъ поуніатскихъ.

Для удобнѣйшаго и скорѣйшаго осуществленія мысли—воссоединить униатовъ Привислянскихъ съ православіемъ, правительство русское въ Варшавѣ обратилась къ Галиціи. Еще до воссоединенія князь Черкасскій нашелъ нужнымъ пригласить нѣсколько униатскихъ священниковъ для преподаванія закона Божія въ городскихъ гимназіяхъ униатскихъ, или смѣшанныхъ, на примѣръ, въ Холмѣ, Бѣлѣ и проч. безъ опредѣленія ихъ приходскими священниками. Первоначально вызванные въ очень ограниченномъ числѣ были люди вообще дѣльные. Но князь Черкасскій своимъ мѣропріятіемъ, конечно, желалъ парализировать въ Ликолахъ католицизмъ, и подготовить лучшее направленіе, и дѣйствовалъ осторожно во имя славянской идеи. Послѣ выбытія князь Черкаскаго, когда созрѣло желаніе во что бы-то ни стало—ускорить воссоединеніе униатовъ и подготовить ихъ къ тому чрезъ очищеніе обряда, возстановивъ его чистоту, что нельзя не признать справедливымъ по существу (но уже никакъ не по мѣрамъ къ достиженію цѣли), наплывъ Галичанъ и въ при-

ходахъ и въ семинарію уніатскую въ Холмѣ чрезъ администратора Попея сдѣлался безмѣрный и безъ всякаго разбора. Епископъ Куземскій уже засталъ многихъ, которые безъ всякихъ дозволительныхъ грамотъ изъ Галиціи, нахлынули въ Холмскую Русь, многіе просто бѣжали отъ наказанія за преступленія, или отъ воинской повинности. Куземскій хотѣлъ разобрать набѣжавшихъ искателей приключеній и наживы; но самъ пострадалъ отъ интригъ своихъ земляковъ. Ускоренное послѣ Куземскаго воссоединеніе во главѣ галиційскихъ выходцевъ—подняло ихъ на высоту, какъ піонеровъ православія, которое они сразу приняли изъ корыстныхъ видовъ, въ душѣ оставаясь такими же, какъ были, за весьма малыми исключеніями, и то сомнительными. Но правительство наше возвысило ихъ въ своемъ мнѣніи, и дало имъ преимущество надъ мѣстными, и тѣмъ самымъ возбудило и усилило ихъ гордость и заносчивость. Послѣ такой прелюдіи, спрашивается: нужно ли было вызывать въ Привислянскій край Галичанъ, и давать поводъ къ вызову другихъ недостойныхъ чрезъ вызванныхъ прежде? Отвѣчаю, что лучше было бы не вызывать ихъ, а принять мѣры къ подготовленію мѣстныхъ священниковъ уніатскихъ—принять православіе. Сдѣлать это было не такъ трудно, поставивъ во главѣ управленія уніатскимъ духовенствомъ—благонадежное лицо, хотъ бы до времени и протоіерея Войцицкаго, а въ случаѣ нежеланія нѣкоторыхъ подчиниться волѣ правительства, вызвать священниковъ изъ Литовской, Волынской и Подольской Епархій, что и было дѣлано по воссоединеніи, хотя мѣсть для нихъ уже очень мало оставалось праздныхъ и при томъ плохихъ. Меня могутъ упрекнуть здѣсь въ пристрастіи? Напрасно. Говорю изъ опыта. И въ 1795 г. и въ 1839 г. воссоединеніе уніатовъ совершалось и въ югозападныхъ губерніяхъ и въ сѣверозападныхъ—безъ призыва людей изъ заграницы; обошлись мѣстными средствами,—и дѣло устроилось, хотя не спѣшно, но хорошо и мирно вообще. Если бы и въ 1870-хъ годахъ обратились за совѣтомъ къ митрополиту Іосифу Сѣмашкѣ,—вѣрно онъ не совѣтывалъ бы заимствоваться людьми изъ Галиціи, которая дала намъ далеко не лучшихъ изъ своихъ людей. Если при вызовѣ имѣлась въ виду политическая идея, то она осталась безъ приложенія, а въ будущемъ едва ли осуществится, развѣ

когда Галиція присоединиться къ Россіи. Названные къ намъ Галиційскіе выходцы съ либеральными, конституціонными взглядами, съ привычками не свойственными духу православнаго священства,—сразу не понравились народу. Свокорыстіе и панская заносчивость въ обращеніи отталкивали прихожанъ отъ своихъ, или лучше, навязанныхъ ему пастырей. На это очень много хранится документовъ въ Варшавской Духовной Консисторіи; а сколько частныхъ случаевъ, мнѣ одному извѣстныхъ? Еще на первыхъ порахъ моего управленія изъ одного села какъ-то приходятъ ко мнѣ прихожане въ числѣ трехъ, и жалуясь на своего приходскаго священника, говорятъ: „Дайте намъ хоть съ большою бородою священника изъ Россіи, мы примемъ его; вы не знаете, якіе это галичане, они хуже всякаго изъ насъ“. Это фактъ. И много нужно было хлопотъ, пока устроились отношенія галичанъ къ прихожанамъ сносна. Лучшіе изъ нихъ однакожь поняли, что нельзя заносчивостію и дерзкимъ отношеніемъ къ епархіальному начальству и прихожанамъ ничего выиграть, кромѣ вреда для себя,—и послѣ нѣкоторыхъ опытовъ строгости моей, смирились и начали исполнять обязанности свои, согласно съ требованіями моими; за ними пошли и худшіе. Мало по малу устроились порядки въ духовенствѣ и приходяхъ. Мнѣ трудно было достигнуть этого, потому что священники изъ Галичанъ имѣли партію за себя и за свои какіе-то прерогативы въ Петербургѣ, какъ я выше упомянулъ, во главѣ съ графомъ Толстымъ, а затѣмъ и съ К. П. Побѣдоносцевымъ. Исторія—кончилась; но мнѣ она слишкомъ дорого обошлась—разстроила нервы. Послѣ—явилась мысль—выселить изъ Епархіи недостойныхъ; но я только весьма немногихъ удалялъ не соглашаясь съ мыслию о выселеніи цѣлой партіи. По моему мнѣнію—это было бы неблагоразумно. Ошибку нельзя поправлять ошибкою новою. Что подумали бы о правительствѣ, которое такъ необдуманно, такъ противорѣчиво дѣйствовало? Само же оно назвало Галичанъ, чая отъ нихъ всякой благодати, само возвысило ихъ, баловало, надавало имъ необычныхъ наградъ—за воссоединеніе,—и потомъ выслало бы ихъ наполовину. А вина пала бы конечно на меня. А я и безъ того уже натерпѣлся непріятностей. Между тѣмъ при благоразумномъ направленіи духовенства,—вышли резуль-

таты добрые, и тамъ, гдѣ они не ожидались.—Къ чести многихъ Галичанъ надобно сказать, что они по своему характеру и смѣлости, при ненависти къ полонизму, содѣйствовали измѣненію способа дѣйствій и мѣстныхъ священниковъ, привыкшихъ жить, дѣйствовать и говорить по-ксендзовски. Итакъ, нѣтъ худа безъ добра. Вызовъ Галичанъ принесъ и пользу воссоединенію Привислянскихъ униатовъ. Разнообразіе элементовъ духовенства, приведенное по времени къ единству, и при самой борьбѣ вначалѣ, оживило дѣло и, по самому соперничеству, способствовало успѣху. Такъ—Промысль Божій, бдящій надъ дѣлами человѣческими, направляетъ ихъ къ благимъ цѣлямъ, и тогда, когда люди ошибаются въ своихъ планахъ и расчетахъ, и тогда, когда они имѣютъ цѣль—прославить себя, достигнуть почестей земныхъ. Да будетъ благословенно имя Господне во всемъ и за все! Я питаю твердую надежду, что Холмско-Варшавская Епархія, и теперь уже довольно упорядоченная, въ непродолжительномъ времени, если не измѣнить направленіе, окажется лучшею среди сосѣднихъ, и упорствующие доселѣ обратятся къ истинѣ, и будетъ едино стадо православное тамъ, гдѣ процвѣтала униа, или лучше сказать, католицизмъ подъ видомъ уни.

Гражданская администрація при очищеніи обряда въ униі, во время воссоединенія и послѣ него.

Изъ предыдущаго уже отчасти видно, что гражданская администрація играла главную роль до воссоединенія и во время онаго. Очищеніе обряда, такъ называемое, т. е. воссозданіе храмовъ съ иконостасами и обрядовыхъ дѣйствій въ томъ видѣ, какъ они существовали въ началѣ униі—съ согласія папъ, конечно совершалось по мысли униатскаго Епархіальнаго начальства, по мысли епископа Куземскаго и потомъ администратора Попеля; но самое исполненіе дѣлалось гражданскимъ начальствомъ и, надо сознаться,—неблагоразумно и по излишней поспѣшности, и по крупнымъ мѣрамъ, возбудившимъ не только ропотъ въ народѣ, но и противленіе прямое начальству, для укрощенія котораго оно

вынуждено было прибѣгать къ военной экзекуціи въ разныхъ мѣстахъ. Эти экзекуціи, далеко неумѣреннаго свойства, вызвали такое ожесточеніе въ народѣ, что пришлось главныхъ агитаторовъ наказать и выслать изъ края, разлучивъ ихъ съ семействами. Тяжко было это наказаніе. Когда я въ 1876 г. въ первый разъ объѣзжалъ воссоединенные приходы, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ меня крайне смущали слезы и вопли женъ и дѣтей—сосланныхъ, опять повторю, еще до объявленія православія. Какъ неразумно приставники свѣтскіе очищали обрядъ, я припоминаю фактъ, одинъ изъ многихъ. Въ одномъ селѣ Сѣдлецкой губерніи, когда я осматривалъ церковь вѣнутри, женщина заглядывая въ дверь, держала въ рукѣ связку цвѣтовъ. Я спросилъ: „Что тебѣ нужно?“—„Та чи можно поставитъ квяты въ церкви?“—„Можно, дай я самъ ихъ поставлю предъ иконою“.—„А намъ кажутъ,—что не можно, не велятъ цвѣтовъ принимать“. Вотъ какъ оскорбляли народное чувство пуриты! Стѣны, обнаженные отъ образовъ, уныло выказывали мѣста, гдѣ они висѣли. Правда, иконы были безобразной живописи и неправославны; но развѣ нельзя было поставить другія въ замѣну?... Впрочемъ высылка буйныхъ противниковъ власти гражданской—была неизбѣжна въ виду ихъ заразительнаго примѣра. Самое ихъ противленіе имѣло источникомъ—подстрекательство совнѣ, обѣщавшее поддержку и восстановление прежняго обряда. Подстрекателями были не одни польскіе ксендзы, а и тѣ уніатскіе священники, которые ушли за границу, и оттуда—изъ Галиціи заклинавшіе письмами народъ держаться уніи въ надеждѣ на перемѣну. Такимъ образомъ вина противленія падаетъ на пастырей наставниковъ. И могли ли они приготовить народъ къ пониманію истинъ вѣры, занимая нѣсколько приходовъ разомъ? Не мало селъ съ церквами уніатскими не имѣли своего священника по 40 лѣтъ. Наблюдающіе священники,—пользуясь землею, и жалованье, и часть доходовъ отдавали уніатскому своему епископу, вовсе не заботясь объ умственномъ или религіозномъ улучшеніи прихожанъ. Вотъ почему полнѣйшее невѣжество господствовало въ уніатскихъ приходахъ, а отсюда и фанатизмъ слѣпой. Впослѣдствіе школы—улучшили дѣло, и молодое поколѣніе настраивается на иной ладъ.

Графъ Коцебу.

И очищеніе обряда отчасти, а воссоединеніе вполнѣ — совершалось при генераль-губернаторѣ гр. Коцебу. Я прибылъ въ Варшаву, когда онъ уже былъ около трехъ лѣтъ генераль-губернаторомъ. Коцебу дѣйствовалъ, будучи лютераниномъ, формально, не прилагая сердца къ дѣлу, и можно думать, въ душѣ не раздѣляя пользы соединенія. Какъ человѣкъ умный безспорно и хорошій дипломатъ, онъ заявлялъ и ревность къ предпріятіямъ правительства по своему званію, но никакъ не по убѣжденію. Политику князя Черкаскаго, главнаго виновника преобразования униатскихъ дѣлъ и славянофила, онъ осуждалъ мнѣ лично не разъ. Онъ не раздѣлялъ его мнѣній, какъ и Н. А. Милютина, — которые оба, можно сказать, пали жертвою своей русской политики, преслѣдуемой до самоотверженія. Предмѣстникъ Коцебу графъ Бергъ былъ тоже антагонистомъ въ душѣ обоимъ русскимъ дѣятелямъ, и достигъ того, что разными путями парализировалъ ихъ дѣятельность. Но дѣло уже было такъ поставлено, что испортить его нѣмцамъ не удалось, хотя лавированіе болѣе или менѣе отзывалось вредомъ... Если и князь Черкасскій увлекался мечтою дать настоящее направленіе униатскому вопросу вызовомъ Галичанъ въ Холмскую Русь, то онъ же не одинъ увлекался, его увлеченіе раздѣлялъ и графъ Д. А. Толстой, отъ котораго исходили распоряженія. Графъ Коцебу не любилъ Галичанъ и дѣйствовалъ согласно съ архіепископомъ Іоанникіемъ; но оба должны были уступить силѣ вещей, созданныхъ по санкціи въ Петербургѣ. Коцебу долженъ былъ по неволѣ приспособляться къ обстоятельствамъ. Но хотѣлось ему и властвовать. Въ силу этого, по лютеранскому началу, онъ желалъ имѣть полное преимущество во власти и въ дѣлахъ поуниатскихъ. Онъ присвоилъ себѣ право (конечно такое полномочіе дано было ему свыше) по своему усмотрѣнію, согласно прошеніямъ, оставлять въ католицизмѣ униатовъ, не желавшихъ воссоединиться, помимо участія епархіальнаго православнаго начальства. Конечно, самъ онъ не могъ же разбирать дѣла, а утверждалъ доклады Каминскаго, завѣдывавшаго религіозными дѣлами. Этотъ заклятый пселякъ много похитилъ на-

нихъ овецъ. Метрики поддѣлывались, — и бывшіе уніаты узаконялись католиками, значить и поляками—вмѣсто того, чтобы быть русскими и православными. Протесты мои оставались безъ дѣйствія. Чтобы парализовать произволь, — составлена была коммиссія подъ моимъ предѣдательствомъ для разбора лицъ, которые должны быть православными. Составлены правила, и представлены мнѣ куда слѣдуетъ. Мамоновъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, держалъ ихъ у себя, и они остались на бумагѣ доселѣ. А дѣла о религіозной принадлежности шли прежнимъ порядкомъ противозаконнымъ. Къ чести Коцебу надобно сказать, что онъ при спорахъ моихъ съ нимъ наединѣ о дѣлахъ, уступалъ моимъ резонамъ, и вообще видимо относился ко мнѣ съ уваженіемъ. Онъ владѣлъ собою вполне, и не давалъ мнѣ повода къ личнымъ неудовольствіямъ. Напихъ кабинетныхъ пререканій никто не зналъ. Тактъ его облегчалъ мнѣ внѣшнія отношенія, и заставлялъ уважать его. Несомнѣнно, что графъ Коцебу имѣлъ государственный умъ, но съ окраской нѣмецкой, и при томъ тонкій, изобрѣтательный и для своихъ интересовъ. Жена его—истая нѣмка, проживши въ Россіи всю жизнь, по русски не говорила, и какъ говорили, съ задняго крыльца принимала ищущихъ мѣсть и значенія жидовъ и нѣмцевъ. Однакожь по ея почину учреждена община сестеръ милосердія, такъ называемая, Елисаветинская по имени учредительницы, и она являлась въ Соборѣ по нарочитымъ случаямъ, при богослуженіи и всегда скромно становилась на лѣвой сторонѣ, не рисуясь своею особою.

Въ управленіе графа Коцебу Привислянскимъ краемъ началась и окончилась война съ Турціею изъ-за Сербіи и Болгаріи. Эта война вездѣ возбуждала толки и сужденія, и эти сужденія наводили грусть на душу. Естественно было мнѣ касаться вопросовъ о ходѣ войны и результатахъ въ частныхъ бесѣдахъ съ Коцебу. Онъ передавалъ мнѣ, что ему предлагали—быть главнокомандующимъ въ возгорѣвшей войнѣ; но я, говорилъ, соглашался подъ условіемъ, чтобы сразу дали мнѣ 200 тысячъ войска. Въ этомъ отказали, и я отказался. Но посмотрите—выйдетъ худо; эта война не принесетъ пользы Россіи. Да и стоятъ ли братушки тѣхъ жертвъ, какія тратятся для нихъ изъ-за какой-то идеи? И дѣйствительно, оправдались заключенія Коцебу и ходомъ

и результатомъ войны 1877 года, хотя нельзя сказать, чтобы она была безплодна.

Что касается до вліянія, какое война восточная—последняя оказывала на воссоединенный народъ,—то оно было весьма вредно. Враги пользовались случаемъ разносить по селамъ разныя небылицы и клеветы на Россію, увѣряли, что Австрійскій Императоръ и Султанъ возстановятъ унию опять и прогонятъ русскихъ. Это не могло не смущать народъ и, конечно, вредило его утвержденію въ вѣрѣ. Приходилось разувѣрять народъ разными способами; но они мало дѣйствовали, пока само время не обнаружило лживыхъ слуховъ.—Мнѣ лично приходилось, напримѣръ, въ Бѣлѣ разувѣрять смущаемый народъ въ суевѣрныхъ ихъ предположеніяхъ, навязываемыхъ имъ разными пройдохами. Не странно ли, напримѣръ, было слышать, что вотъ придетъ Султанъ съ австріякомъ, и какъ только конь, на которомъ онъ будетъ сидѣть верхомъ, напьется воды изъ Вислы,—унія опять возстановится,—и русское владычество прекратится?! А сколько распространялось въ народѣ подпольныхъ, противоправительственныхъ книженокъ польскихъ, начиная съ безсмысленнаго письма съ неба! Время однакожь взяло свое. Миражъ разсѣялся, и ложь явилась во всей своей наготѣ даже и для простецовъ.

Генералъ-Губернаторъ Альбединскій.

Послѣ ухода Коцебу, по прошенію, изъ Варшавы, мѣсто его занялъ переведенный изъ Вильны П. П. Альбединскій. Онъ далеко уступалъ и по уму, и по опытности, даже и по направленію,—своему предмѣстнику. И Коцебу упрекали въ недостатокѣ чисто русскаго направленія; но Альбединскій уже почти явно стоялъ на сторонѣ поляковъ по своему образу дѣйствій. При самомъ его назначеніи на высокій постъ въ Варшавѣ мы не ожидали добра для русскаго дѣла. Кто не зналъ Альбединскаго въ Вильнѣ—какъ подражателя системы пресловутаго Потапова? Въ свое время московская пресса выяснила весь вредъ системы Потапова и Альбединскаго для сѣверо-западнаго края. Та же самая манера дѣйствій переселилась съ Альбединскимъ и въ Варшаву. Разница въ томъ, что здѣсь ему еще легче можно было за-

являть симпатіи свои къ полякамъ, и поблажать имъ, и труднѣе было русскимъ, мириться съ этими симпатіями. Да и сила Альбединскаго сравнительно съ значеніемъ Коцебу — была могущественнѣе — по отношеніямъ покойнаго Государя Александра II-го. Считается съ нимъ кому бы-то ни было становилось не подъ силу. Альбединскій представлялъ собою образецъ вѣжливости, утонченной деликатности; но въ силу ли ея, или по незнанію дѣла обстоятельно, въ дѣловомъ отношеніи онъ, по крайней мѣрѣ, въ бесѣдахъ со мною, ограничивался пріятными словами, согласіемъ на высказываемыя мною соображенія и совершенно противоположными рѣшеніями на бумагѣ. Въ замкѣ можно было припомнить слова басни: „въ этой хатѣ одно говорятъ, другое дѣлаютъ“. Впрочемъ, нельзя не отдать чести управляющему канцеляріей при г.-г. Альбединскомъ — Рубцову. Бумаги писались, или лучше, редактировались очень хорошо, и тонъ ихъ былъ изящный.

Правами своими относительно самостоятельнаго разрѣшенія быть католиками тѣмъ униатамъ, которые о томъ просили, Альбединскій пользовался еще шире, чѣмъ Коцебу. Каминскій, извѣстный полякъ, не скупился представлять начальнику края фальшивые документы, поддѣланные ксендзами, на основаніи которыхъ долженствующій быть православнымъ дѣлался католикомъ. Много при этомъ явилось злоупотребленій; а протесты наши — ничто не значили. Перемѣна направленія дѣла поуніатскаго послѣдовала уже въ 1882 г., когда я былъ въ Петербургѣ и присутствовалъ въ Св. Синодѣ. Благодаря оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву, я успѣлъ настоять на томъ, чтобы взять изъ рукъ генераль-губернатора власть — распоряжаться судьбою упорствующихъ бывшихъ униатовъ по своему произволу, въ руки епархіальнаго начальства. Состоялось Высочайшее повелѣніе о передачѣ дѣлъ религіозной принадлежности намъ съ извѣстными правилами, — и они приняли другой оборотъ. Случись это ранѣе, сколько людей остались бы въ оградѣ православія, теперь перешедшихъ въ католицизмъ. Вообще въ продолженіе бытности своей въ Петербургѣ (1881—84) я успѣлъ многое сдѣлать для пользы православія въ Польшѣ, и наглядно выяснилъ весь вредъ направленія Альбединскаго, къ которому, впрочемъ, личной вражды не питалъ.

Ясно стало, что дѣятельность Альбединскаго принесла вредъ, а не пользу русскому дѣлу въ Привислянскомъ краѣ, и начали громко говорить о томъ, такъ какъ его благодѣтеля (Императора Александра II-го) уже не было въ живыхъ. Альбединскій почувствовалъ свое безсиліе, къ этому присоединилась болѣзнь (каменная), которая и свела его въ могилу. Будучи въ Петербургѣ, я не былъ свидѣтелемъ по-смертныхъ овацій, какія поляки ему устроили; но говорятъ, онѣ проявились въ сильной степени. И понятно: поляки лишились своего патрона. Погребенъ Альбединскій въ Царскомъ Селѣ. Не удалось мнѣ быть при погребеніи его. Отпѣтое въ Варшавѣ тѣло Альбединскаго привезено было въ Царское Село для опущенія въ могильный склепъ, по желанію жены его—урожденной княгинѣ Долгоруковой. Настала съ половины 1883 года новая эпоха для Варшавы и всего Привислинскаго края—съ назначеніемъ генералъ-губернатора І. В. Гурко, съ лучшимъ направленіемъ. Но о времени управленія Гурко—еще не настало время говорить.

Юля 27. 1887.

• На Гуръ.

Непоследовательность дѣйствій администраціи въ Польшѣ, какъ причина недостаточнаго успѣха въ преобладаніи русской народности и вмѣстѣ православія.

Если обратимъ вниманіе на ходъ управленія Царствомъ Польскимъ съ 1831 г. до сего дня,—то невольно поразимся его неоследовательностію, и придемъ къ мысли, что единственно Провидѣніе Божіе исправляло ошибки правительства, и послужило силою, давшею результаты все таки отрадныя для русскаго сердца.—Сравнивая положеніе Познаня подъ владычествомъ Пруссіи послѣ послѣдняго раздѣла Польши, съ положеніемъ русской Польши,—мы не можемъ не по-дивиться разницѣ между ними, и не отдать чести нѣмцамъ, умѣвшимъ, можно сказать, онѣмечить достав-шуюся ей по раздѣлу большую часть Польскаго Коро-левства. Прусское правительство дѣйствовало и доселѣ дѣйствуетъ по однажды принятой системѣ, и послѣ

довательность въ дѣйствіяхъ обдуманная—принесла свои плоды. То ли у насъ? Въ Варшавѣ очень часто мѣнялась политика; вслѣдъ за строгостію являлась поблажка, за игриваніе съ поляками. Князь Паскевичъ — по принципу Императора Николая—держалъ русское знамя высоко, держалъ порядокъ внѣшній. Но его обуяло честолюбіе, и онъ не задавался, кажется, мыслию—сдѣлать поляковъ русскими *по духу*; все шло гладко, порядокъ держался внѣшній; но поелику подготовки русской—внутренней не было,—по смерти Паскевича—вскорѣ явилась революція—мятежь, едва ли не худшій бунта 1830 г. Не могъ же онъ назрѣть сразу—элементы его зародились въ душѣ поляковъ, конечно еще при Паскевичѣ. Если бы князь Паскевичъ постепенно создавалъ русскую силу въ уніатахъ чрезъ постепенное присоединеніе ихъ въ православіе,—мятежь не былъ бы такимъ пугаломъ. Я говорю не порадоксъ. При Паскевичѣ во многихъ селахъ подаваемы были прошенія отъ прихожанъ о принятіи ихъ въ православную церковь,—и только четырехъ селамъ,—и то по настоянію архіепископа Арсенія—дозволено было—быть православными;—дальнѣйшее движеніе пріостановлено,—стремленіе доброе подавлено. Коль скоро уніаты принимаютъ православіе, они уже дѣлаются русскими по духу. И не препятствуй Паскевичъ движенію,—почва русская легко подготовлялась бы и окрѣпла. Въ самой Варшавѣ, хотя Паскевичъ и много содѣйствовалъ православію, но сдѣлалъ ошибку, что сразу не озаботился устройствомъ Собора, добавющаго величію вѣры. За Пиарскій монастырь, передѣланный въ православный Соборъ, заплатили дорого—милліонъ франковъ,—а вышло неудобно, и это неудобство доселѣ продолжается, и Богъ одинъ знаетъ, когда оно прекратится, когда явится новый Соборъ на приличномъ мѣстѣ.

Послѣ Паскевича переменна намѣстниковъ и генераль-губернаторовъ такъ была часта, что ожидать постоянства въ образѣ дѣйствій трудно было. Бергъ держался долѣе другихъ, потому что балансировать былъ мастеръ; несомнѣнно, что онъ казался русскимъ дѣятелемъ, не будучи таковымъ на дѣлѣ, хотя нельзя не отдать ему чести за отношеніе къ русскому духовенству. Онъ построилъ на Прагѣ церковь тогда какъ могъ построить Соборъ на Саксонской площади, и дѣльные русскіе люди справедливо подозрѣвали здѣсь

интригу польскую. Развѣ можетъ Прагская — Маріинская церковь замѣнить Соборъ? Не касаюсь другихъ намѣстниковъ, вовсе не думавшихъ о православіи; съ которымъ неразрывно связано русское національное направленіе. Въ смутное время польскаго мятежа трудно было думать о положительныхъ мѣрахъ русскихъ. Но послѣ 1863—64 г.г. развѣ трудно было воспользоваться направленіемъ народа въ Сѣдлецкой и Люблинской губерніяхъ, который безъ сомнѣнія сразу заявилъ бы пристать къ вѣрѣ, которую исповѣдуетъ Царь?.. Опушено время весьма удобное. Ксендзы слишкомъ очевидно заявили себя со стороны противоправительственнаго направленія, чтобы народъ не могъ не видѣть вредности ихъ, и не потерять къ нимъ уваженія, слѣдовательно, — не желать лучшихъ пастырей. —

Послѣ повстанія правительство принялось за мѣры радикальныя. Русское направленіе усилилось; но не колебалось ли оно не разъ? Сами русскіе дѣятели послѣ Милютина и Черкасскаго или дѣйствовало вяло и нерѣшительно, или же подъ ладъ полонизму. Но главное зло, которому противиться теперь весьма затруднительно, допущено возстановленіемъ сосланныхъ прежде за политическую неблагонадежность въ отдаленныя и не столь отдаленныя мѣста Россіи. — бискуповъ. Они опять получили епархіи. Но развѣ могли они измѣнить свое направленіе злостное противъ русскихъ и въ частности противъ православія? Опытъ скоро показалъ ошибку. Но она не исправлена, а усугублена увеличеніемъ числа бискуповъ въ Привислянскомъ краю. — Какая нужда была умножать ихъ? Какая надобность затѣвать новый конкордатъ съ Папою? Помнится въ 1879 г. или 80 г. были у меня въ Варшавѣ на пути въ Римъ, для переговоровъ съ Папою, Мосоловъ, управляющій канцеляріею министра Макова, и Бартеневъ — консулъ въ Римѣ. Я довольно говорилъ съ ними о неудобствѣ предпріятія; но подначальные должны были творить волю пославшаго. Къ сожалѣнію и тотъ и другой не стояли на высотѣ своего положенія. На обратномъ пути я уже не видѣлъ Мосолова (нынѣ губернаторъ Новгородскій). Бартеневъ остался въ Римѣ. Безъ сомнѣнія они по порученію данному и по инструкціи подготовили [почву ¹⁾], на которой выросли

¹⁾ Вставляемъ слово по догадкѣ; авторомъ по опискѣ пропущено оно.
Red.

вдругъ 8 бискуповъ въ Привислянскомъ краѣ. Будучи въ Петербургѣ (1881—84 г.), я нарочно ѣздилъ къ графу Игнатьеву — бывшему тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, и просилъ затормозить дѣло о наплывѣ бискуповъ. Онъ сказалъ. „Будьте покойны, — пока я министромъ, не пушу въ ходъ проекта“. И онъ сдержалъ слово. Къ сожалѣнію Игнатьевъ скоро оставилъ свой постъ, и вскорѣ затѣмъ проектъ утвержденъ. Кто же виновникъ утвержденія? Графъ Толстой, заступившій мѣсто Игнатьева, — Толстой, который издалъ извѣстную книгу „Католицизмъ въ Россіи“, — слѣдовательно вполне знакомый съ подвохами іезуитовъ. *Mutantur tempora!* Когда я высказалъ графу Толстому въ Варшавѣ (по случаю его пріѣзда съ Императоромъ Александромъ III) о вредѣ, какой сдѣланъ назначеніемъ непомѣрнаго числа бискуповъ, онъ отвѣчалъ, — что дѣло до него еще зашло далеко, и нельзя было остановить, а онъ-де еще измѣнилъ кой-что. Можно ли принять такое оправданіе? Знатоку Римско-Католической пропаганды слѣдовало бы съ гражданскимъ мужествомъ выставить Государю весь вредъ увеличенія числа бискуповъ, тѣмъ болѣе, что графъ Толстой такъ долго былъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода.

Увеличивая силу Римскаго Католичества въ лицѣ бискуповъ, правительство доселѣ не озаботилось, вопреки моему настоянію, и вопреки рѣшенному въ принципѣ опредѣленію, учрежденіемъ викаріатства православнаго въ г. Бѣлѣ. При множествѣ бискуповъ въ краѣ, — я управляюсь въ Епархіи одинъ съ викаріемъ, въ Холмѣ живущимъ. При обычной пропагандѣ ксендзовъ по руководству бискуповъ легко ли намъ услѣдить за всѣмъ и противодѣйствовать іезуитскимъ дѣйствіямъ? И если есть достаточный успѣхъ въ Православіи, то — это милость Божія. Требованія отъ насъ велики, а содѣйствія человѣческаго со стороны администраціи мало. Исторія введенія уни въ краѣ не научила нашихъ гражданскихъ администраторовъ ни энергіи, ни опытности. Да и знаютъ ли они ее? Увы! Полнѣйшее незнаніе исторіи характеризуетъ нашихъ русскихъ мѣстныхъ гражданскихъ дѣятелей. А индифферентизмъ, холодность къ вѣрѣ, въ которой родился и воспитался они — удивляетъ даже ино-вѣрцевъ.

Что касается до внѣшней обстановки православнаго Архіе-

рея въ Варшавѣ, то она совершенно не соотвѣтствуетъ его значенію. Помѣщеніе крайне неудобное, какое едва ли гдѣ есть хуже. Не говоря объ Одессѣ, въ Каменцѣ Подольскѣ помѣщеніе архіерейское удобнѣе. Домъ архіерейскій бѣденъ; при загородной дачѣ всего 60 десятинъ всей земли. Не странно ли, что въ Варшавѣ престижъ православнаго Архіерея во внѣшнемъ отношеніи совершенно опущенъ изъ виду, и при всѣхъ моихъ хлопотахъ остается безъ вниманія и духовнымъ высшимъ и гражданскимъ начальствомъ. Жизнь мою въ Варшавѣ—можно назвать—испытаніемъ, и притомъ тяжелымъ.

*Леонтій Архіепископъ
Холмско-Варшавскій.*

Юля 29. 1887 г.
Писано на дачѣ Гурь.
